

Р Ъ Ч И,

~~239 3~~
~~150 - 155~~

ГОВОРЕННЫЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

17 Генваря 1805 Года

ПРИ ОТКРЫТІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

въ Университетской Типографіи.

1806 года.

Р. Р. Н.

ГОРЮЩИЙ

В. ГОРЮЩИЙ КОМ. ГОРЮЩИЙ

17. Января 1905 года

И. П. О. П. И. Т. И. Н.

И. П. О. П. И. Т. И. Н.

И. П. О. П. И. Т. И. Н.

В. ГОРЮЩИЙ

В. ГОРЮЩИЙ КОМ. ГОРЮЩИЙ

17.05.05

A391641

Центральная библиотека
65
И. П. О. П. И. Т. И. Н.

De

Nova per Imperium Rossicum constitutione
scholarum, indeque oriundo fructu.

SI unquam solemnitas exstiterit, quae tum intellectum, ob magnum illum, quem intendit finem, admiratione adficiat, tum vero animum summa perfundat voluptate, quod dulci futurorum bonorum spe eum demulceat; talis haud dubie est ea, quam nobis hac die celebrare licet, die, qua singularis CLEMENTISSIMI IMPERATORIS, de bono Imperii Sui unice solliciti, benignitas mirifice elucescit. Magnus ille PETRUS, cuius gloria nulla unquam exstinguetur temporis diuturnitate, quamvis reportata de hostibus toties victoria redactisque multis sub ditionem suam Provinciis insignis, nihil se memoria dignum fecisse putabat, nisi scientia populum ad omnem formaret humanitatem, atque studio bonarum artium ita omnium animos incitaret, ut pro viribus ad eum contendant humanitatis gradum, quo ipsis totius propemodum Europae nationes, multis saeculis, quid ni dicam? antecessere. In medio rerum suarum curriculo, inque frequenti atque tam multiplici cursu, quo spatium a mari Caspio ad Balticum usque toties relegabat, firma ille manu prima luminis semina iecit,

quae olim tam uberent fructum erant latura. Coepti huius vastissimi Haeres, haud minor PETRO CATHARINA, per omne gloriosissimi Regni tempus, magnum illud consilium prae oculis perpetuo habebat; et eam ob rem pluribus in locis exercitia aperuit litteraria, quae licet initio, uti res humanae omnes, debilitate laborarent, fructum tamen nec unum, nec vulgarem habuere. Petropoli ac Moscoviae monumenta posuit, aere perennia, ac insignem Eius munificentiam memoriae omnium saeculorum traditura. Vestigiis Augustissimorum Antecessorum fidelissime insistens, ALEXANDER PRIMUS, placida hac ab armis quiete, qua Divina et Eius provida cura fruimur, eo omne studium omnemque cogitationem convertit, ut universas administrandi Imperii partes in meliorem statum redigeret. Qui igitur potuisset oblivisci publicae institutionis, quae forte et utilitate et gravitate reliqua omnia antecellit: utpote qua vere homines formantur atque ad obeunda reipublicae munera effinguntur. At gloriolae illius haud appetens, quam Reges plerique ab aula ac exteris aucupantur, qui regias dumtaxat urbes ferme adeunt; subditorum omnium absque discrimine pater, ille paternum illud inivit consilium, ne ullus subditorum ordo aequali beneficiorum parte careret. Ille minimis et, ut dici amat, Parochialibus scholis animos addit, quantum potest maximos; ille circulatorum oppidis scholas, urbibus ubi sedes Gubernii est, Gymnasia dedit, in qui-

bus iuventus primis litterarum atque optimarum artium
 elementis imbuatur, linguis celebriorum nationum instrua-
 tur, atque ad probitatem morum ita formetur, ut omne
 appetat honestum. Ut vero etiam illi, qui se ad gra-
 viora reipublicae munera destinarunt, omnesque, qui glo-
 riae stimulis excitati altiora petunt, quantum libet, operae
 in bonis litteris collocare possint; toto Imperio in circu-
 los dispartito, in unoquoque eorum Universitatem littera-
 rum esse voluit, haud absimilem eis, quae Oxoniae, Can-
 tabrigiae florent, in quibus procerum Britanniae filii eru-
 diuntur, ad salutem patriae in sacrario illo libertatis, cui
 nomen Parlamenti, fortissime defendendam; aut instar
 Göttingensis, Jenensis, Hallensis, aliarumque, ad quas
 neque Electores, neque alii Imperii Germanici Principes
 filios suos mittere umquam dubitarunt. Erit sane, ut in
 tam vasto Imperio a Lituania ad Siberiam, ab urbe Ar-
 changel ultra Caucasi montes usque protenso, nusquam
 invenias civem, cui omnino deesset occasio minimis ex-
 pensis, negotio minimo, animum expoliendi suum, uti et
 eam, qua in Imperio gaudet, dignitatem decet, et per
 fortunam eius ingeniumque licet.

Fastum fugiens omnesque inutiles sumtus, mire e con-
 verso munificus, ut primum de bono agitur publico, bene-
 ficentissimus noster IMPERATOR hanc in rem ingentem

illam semialterum millionem rubellorum excedentem summam annue vovit, summam utique enormem atque cuius exemplum uspiam terrarum nequicquam quaesieris. Ac vovit eam quidem lubentissime, ut subditis procuraret beneficium bonae educationis, beneficium momenti maximi, quippe quae reddit alium hominem superiorem alio, supeditans illi copiam, maiorem prae aliis praestandi utilitatem civitati, Patriae.

Igitur quaero ex vobis, Auditores, utrum IPSE in culpa erit, utrum IPSE summo rerum humanarum Moderatori posterisque rationes redditurus est, si infelices (absit omen verbo) obices atque impedimenta offenderet, quae obstant, quo minus consilia, tanta cum sapientia benignitateque concepta, ad finem perducerentur?

At non coram vobis, Auditores venerandi, opus est veritatem hanc pluribus persequi: non coram vobis, qui boni publici studio ducti, munus liberale ultro obtulistis, quo zelum vestrum in promovendis Patriae emolumentis affatim testabamini. Atque iam praemia horum habetis in solemni hoc, quod conspicitis, documento: habebitis etiam, dum proles sub oculis vestris hic erudiri videritis; dum videritis, urbem hanc sensim efflorescere ita, ut non modo pluribus Imperii antecedit, verum cum celebrioribus Europae de fama contendat.

Quaë species rerum se offert ei, qui magnas, quas gens humana subit vicissitudines, intensiori contemplatur oculo? Musae sedes figunt in regione hactenus non nisi devastationum praeliorumque teste. Quid dicerent Pericles, quid Platones, si viderent erigi Philosophiae Academiam, omnibus eorum multis numeris praecellentem, erigi in terra Anacharseos illius barbari, terra olim caligine offusa, ac dein cruore viginti populorum, qui eam alter alteri disputarunt, imbuta; quam maiores vestri, Auditores Honoratissimi, fortissima occuparunt manu? Illi equidem non nisi belli exercitia novere; at vel propter ea ipsae iam scientiae evasere necessariae. Etenim fuere iam illa tempora, quibus unica dumtaxat viri singularis fortitudo, unicus exercitii militaris usus suffecit, ultimis militiae gradibus utique sufficiens. Talia nunc adsunt, quibus nemo Mathematicarum disciplinarum, seu fundamenti novae artis tacticae historiaeque celeberrimorum omnis aevi belli ducum ignarus, ad eam rerum summam eluctabitur, ut a natura ad decidendam mortalium sortem destinatus esse videatur. Historia temporis novissimi haec, quae profero, satis superque testatur.

Itaque in veloci hoc rapidissimoque ingenii humani cursu quid aliud superest omnibus nationibus, nisi universis industriae nervis eniti, ut aliis aut palmam scientiarum e manibus eripiant, aut eos saltem presso pede insequantur? Non dicam hic de Turcarum olim metuendo

Imperio, de quo, licet haud diminuta eius pristina vastitate, actum est: quod exemplis aliorum, qui circum ipsos florent, populorum uti neglexerint. Non dicam de illis Europae Occidentalis nationibus, qui patrum memoria magnis inclaruere facinoribus, quarumque ditiones in quatuor mundi plagas etiam nunc protenduntur. Arbitrantur hae, patres suos cuncta peregissee, seque facere satis, si in eo rerum gradu persistentes, ultra limites saeculi decimi septimi, quo maxime floruerant, nequaquam progrediantur. Illarum nulla inter Europae civitates ratio habetur. Dicam tamen, haud licere ulli populo otio ignaviter marcescere, depositaque gloriae cupiditate in eo humanitatis loco permanere, quem maiores occuparunt: gressum enim vero nunc sistere, est regredi aeternae obrui oblivione. Et quamvis forte in occupandis bello terris quies haec neutiquam sit damnosa, (victoriis quippe tum iustitia, tum ipsa prudentia politica tandem finem imponere potest,) sed perniciosa semper est in scientiis, artibus liberalibus, mercatura, re navali et rustica, brevi, in omnibus, quae tendunt et ad plenum ex datis a natura donis fructum percipiendum, et ad firmandam, si non supra alia, Imperii unius eminentiam saltem eius aequalitatem. Felicem, terque felicem Rossiam! quae ipso incolarum suorum ingenio ad res magnas incitatur, et quam series optimorum Principum a saeculo inde ferme non interrupta ad summum gloriae fastigium ducit.

At ne in tanto, quem inexhausta haec materia mihi subministrat, excurrendi campo, patientia vestra abutar, ad finem propero, meque ad vos converto, qui vocati estis, ut prima huius Universitatis semina iaciatis, e qua veluti e centro effluat lux institutionis publicae per terram tam late diffusam, tantoque hominum numero repletam, ut non uni formando regno sufficeret. Quo pensum nostrum magis arduum est, eo plus est enitendum, ut id conficere queamus.

Utinam studium, quod in promerenda civium fiducia collocabimus, utinam cura, qua paternae eorum sollicitudini satisfacere satagemus, qui fidei nostrae dulcissima concreditori sunt pignora; utinam summa ea, quam adhibebimus, constantia in exquirendis omnibus mediis, quibus nos utiles reddere possimus; utinam haec omnia fidem facere possint, nos haud quaquam esse indignos spe illa, quam SAPIENTISSIMUS IMPERATOR, dum nos eligeret, de nobis concepit, haud indignos, qui efficiant, ut sollemnitatis huius memoriam posteritas pia recolat mente.

C. S. Pototsky.

ПЕРЕВОДЪ.

О

*благодѣтельной цѣли преобразованія
въ Россіи училищъ.*

Ежели когда бываетъ торжество, которое въ одно время поражаетъ умъ великостію своихъ видовъ, и услаждаетъ сердце всякаго благонамѣреннаго гражданина, рождая въ ономъ пріятную нѣкую надежду: то безъ сомнѣнія есть сіе, которое мы имѣемъ счастье праздновать нынѣ, и коимъ обязаны благодарности МОНАРХА, занимающагося единственно благомъ Своего Государства. Безсмертный ПЕТРЪ, почувствовавъ первый, что при всѣхъ Его побѣдахъ и завоеваніяхъ все, что онъ сдѣлалъ, не могло бы оспариваться вѣчнымъ, еслибы не далъ своему народу просвѣщенія; если бы не двигнулъ его сильно впередъ; а тѣмъ самымъ Онъ привлекъ на его спору преимуцество, коимъ, должно сказать откровенно, нѣсколько предъ тѣмъ вѣковъ уже пользовались всѣ народы Европы. Посреди многочисленныхъ предпріятій, которыя заставляли Его безпрестанно прелепаять отъ береговъ Каспійскаго ко берегамъ Балтійскаго морей, Онъ сильною Своею десницею бросилъ первая сѣмена наукъ, долженствовавшія нѣкогда принести полъ обильные плоды. Преемница обширныхъ Его намѣреній, Великая ЕКАТЕРИНА во все время славнаго Своего царствованія не только не нерадѣла о воспитаніи, но во многихъ мѣстахъ учредила училища, которыя, сколько ни были недоспа-

почны, каковыми по необходимости бываютъ всякаго рода начатки, были весьма полезны. Она наполнила грады св. Петра и Москву величественными заведеніями, вѣчными памятниками Ея щедротъ.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ, послѣдуя стопамъ Августѣйшихъ Своихъ Предшественниковъ, не опускаетъ благопріятнаго случая воспользоваться свободнымъ временемъ мира, коего наслажденіемъ донынѣ мы обязаны Промыслу и ЕГО попеченіямъ. Обращая Свой бодрспивенный взоръ на усовершеніе всѣхъ часпей Правительсва, могъ ли онъ забыть о народномъ просвѣщеніи, предметъ можетъ быть сущесивеннѣйшемъ изъ всѣхъ; — просвѣщеніи, которое одно съ печеніемъ времени можетъ образоватъ людей истинно способныхъ управлять и руководсивоватъ всѣми прочими государспивенными частями? Не ослѣпясь мнимою славою заспавивъ свой Дворъ и иноспранцевъ, занимающихся обыкновенно споліцами, себѣ удивляясь, но признавая себя въ душѣ Опцемъ всѣхъ своихъ подданныхъ, принялъ пакія общія мѣры, при коихъ всѣ, даже опдаленнѣйшія области Россіи могутъ равномѣрно учаспвоватъ въ одинакихъ выгодахъ. Онъ не токмо ободряетъ всемъ, что возможно, заведеніе приходскихъ училищъ; но повелѣлъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ учредить другія, въ копорыхъ бы преподаваемы были первыя основанія наукъ, безъ коихъ ни одинъ гражданинъ почти не можетъ обойтися. Онъ указалъ въ каждомъ Губернскомъ городѣ быть Гимназіи, гдѣ юношескво будетъ наспавляемо въ общихъ началахъ всѣхъ наукъ и иноспранныхъ употребительнѣйшихъ язы-

X | ковъ. Наконецъ для совершеннѣйшаго образованія благо-
 родныхъ молодыхъ людей, приуготовляющихся зани-
 X | мать нѣкогда первыя государственныя мѣста, и во-
 обще для всѣхъ, кто только, будучи порываемъ осо-
 бенною ревностію, пожелаетъ проспираться далѣе
 X | первыхъ степеней познанія, ОНЪ повелѣлъ къ каж-
 домъ округъ учредить Университетъ на подобіе
 Оксфордскаго и Кембриджскаго, въ кои сыны первыхъ
 Англійскихъ Лордовъ приѣзжаютъ обучаться защи-
 щать въ Парламентѣ права своей страны; на подо-
 X | біе Геттингенскаго, Іенскаго и другихъ, куда Кур-
 фирскыя и владѣтельные Князья не поспавляютъ за-
 спыдъ посылая своихъ дѣтей. При таковыхъ уч-
 режденіяхъ отъ предѣловъ Литваніи до Сибири, отъ
 Архангельска до Кавказа въ скоромъ времени не мо-
 жетъ быть ни одного гражданина, который бы не
 могъ со всею возможною удобностію и самыми ма-
 лыми издержками получить образованіе соотвѣт-
 ствующее дарованіямъ, званію и пособіямъ его. Не
 терпя всякой суетности и безполезныхъ расходовъ,
 но не жалѣя ничего, когда дѣло идетъ о благѣ обще-
 народномъ, нашъ благотворный ГОСУДАРЬ опредѣ-
 лилъ на сей конецъ такую сумму, которая, вклю-
 чая Нѣмецкія и прежде бывшей Польши области, со-
 ставляетъ болѣе милліона шесты сотъ тысячъ руб-
 лей. Сумма необычайная, такъ что ниже подобной
 сему никогда и ни въ какомъ государствѣ не было
 на сіе употребленіе назначено. ОНЪ съ удовольст-
 віемъ жертвуетъ ею, чтобы только всѣ его поддан-
 ные могли пользоваться благодѣяніемъ воспитанія,
 благодѣяніемъ неоцѣненнымъ, которое одно соспа-
 вляетъ существенное преимущество человека предъ
 человекомъ, приводя въ состояніе одного быть полез-

нѣ обществу и опечеству, нежели другой. И такъ осмѣливаюсь спросить, будетъ ли ОНЪ виновенъ, будетъ ли ОНЪ обязанъ оповѣстивать Богу и потомству, ежели какія либо препяствія, къ несчастію, не допуская, исполнился благотѣльнымъ ЕГО намѣреніямъ? Но не предъ вами, благороднѣйшее Дворянство и почтенные граждане, разпроспраняясь должно о сей истинѣ; не предъ вами, кои одушевляемы съ одной стороны даролюбіемъ, а съ другой любовію къ опечеству, своими приношеніями уже доказали рвеніе споспѣшествовать ЕГО предпріятіямъ. Вы часпю уже за то награждены сею порже-спвенною Грамопою, копорую видимъ предъ собою; вы будете еще награждены тѣмъ, что дѣли ваши будутъ воспитываться посреди васъ; будете награждены тѣмъ, что сей городъ вскорѣ содѣлается знаменитѣйшимъ въ государствѣ, и можетъ быть, со временемъ славнымъ въ цѣлой Европѣ.

Какое зрѣлище для наблюдателя преобращеній, бывающихъ въ семъ мірѣ, видѣтъ наконецъ водвореніе наукъ въ сей странѣ, бывшей доселѣ единспвенно созерцапельницею опустошеній и сраженій! Что сказали бы Периклы и Платоны, еслибъ они увидѣли рожденіе Академіи любомудрія несравненно доспаточнѣйшей, нежели существовавшая при нихъ, въ опечествѣ того Анахарсиса, котораго они называли однимъ изъ дикихъ? Двадцать необразованныхъ народовъ спорили попомъ между собою о сихъ обширныхъ и плодородныхъ мѣстахъ. Наконецъ ваши храбрые предки опняли ихъ у Татаръ. Правда они не знали доселѣ ничего кромѣ войны; но нынѣ и съ сей стороны науки содѣлались необходимы. Уже прошло

по время, въ которое довольно было имѣть личную храброспѣ; нынѣ она одна недоспапочно; недоспапочно пакѣ же все искусство обращапся съ ружьемѣ, удовлетворяющее токмо званію подчиненныхѣ чиновѣ. Не увидимѣ болѣе никогда, чпобы безѣ математическихѣ наукѣ, служащихѣ основаніемѣ новой Тактики, безѣ глубокаго знанія рапныхѣ дѣяній великихѣ военачальниковѣ всѣхѣ временѣ, могли образовапся сіи опилчные смерпные; которыхѣ Природа предназначила мужеспвенною десницею рѣшипъ судьбу царствѣ. Все, чпо мы видѣли въ сіи послѣднія времена, представляетѣ намѣ многочисленныя тому доказательства. Нѣмѣ! при семѣ быспромѣ ходѣ, какимѣ съ нѣкопорого времени, кажется, идетѣ человекскій умѣ; при сихѣ успѣхахѣ, какіе онѣ дѣлаетѣ во всѣхѣ родахѣ познаній, ничего не оспается болѣе всякому народу, какѣ употреблать всѣ силы, дабы по крайней мѣрѣ слѣдовать за другими, если не можетѣ предупредитѣ ихѣ. Чпо значитѣ теперь оная блиспапельная Порта, бывшая недавно толь ужасною, не взирая на ея обширныя еще владѣнія; опѣ того чпо она не умѣла воспользовапся ни однимѣ примѣромѣ, которыми была окружена? Чпо спали теперь другіе югозападные Европейцы, представлявшіе нѣкогда на зрѣлищѣ міра толь великое лице? Еще и нынѣ находятѣ въ чепырехѣ частяхѣ свѣта обширныя владѣнія, имѣ принадлежащія. Они думали, чпо довольно уже сдѣлали, и чпо можно было имѣ оспаться тѣмѣ, чемѣ они были въ 17 вѣкѣ, вѣкѣ ихѣ могущества: и чпожѣ? теперь почипаются почпи за ничпо. Такѣ! не возможно нынѣ ни одному государству оспанавливапся въ своемѣ ходѣ: оспановипся, еспѣ тоже, чпо подавапся назадѣ, и

приближаться къ прежнему ничпожеству. Ежели
 сіе когда позволительно: по развѣ только въ опи-
 ношеніи къ завоеваніямъ, копорымъ справедливость,
 или государспвенные виды могутъ наконецъ гдѣ
 нибудь положишь предѣлы. Но таковое прекращеніе
 дѣятельности никогда не вмѣстно въ разсужденіи
 наукъ, изящныхъ художествъ, войнскаго искуства,
 мореходства, ремеслъ, портовой промышленно-
 сти и земледѣлія; однимъ словомъ, всего того,
 что можетъ клониться къ употребленію въ свою
 пользу всѣхъ возможныхъ преимуществъ, и чрезъ
 то обезпечить навсегда свое, если не превосход-
 ство, по крайней мѣрѣ равенство съ прочими. Бла-
 женна, спокрапно блаженна Россія, копорой оби-
 лнпелей Природа произвела полъ способными опли-
 чить себя во всемъ; и копорую почти не прерывно
 цѣлый вѣкъ продолжающіяся царспвованія великихъ
 и занимавшихся единспвенно ея благосостояніемъ Го-
 сударей руководспвуютъ ко славѣ всякаго рода.

Но я замѣчаю, что слѣдуя своимъ чувспвіямъ и пре-
 дусмопрѣнію въ будущемъ сихъ славныхъ и несомнѣн-
 ныхъ событій, начинаю выходить уже за тѣ предѣ-
 лы, копорые я себѣ предписалъ. Между тѣмъ одна-
 ко не могу окончить безъ того, чтобъ необратишь-
 ся при семъ къ вамъ, копорые имѣли щаспіе при-
 званы бытъ сюда, дабы составишь первое основаніе
 сего Университета, имѣющаго разпроспранить свои
 вліянія на такую спрану и на такое число народа,
 копорыя составляютъ болѣе нежели иное цѣлое го-
 сударство. Чемъ важнѣе наша обязанность, тѣмъ
 болѣе мы должны усугубишь свои усилія, дабы до-
 спигнуть ея цѣли. Оспается только желать, да

удостоится довѣрія общества усердіе наше; да удовлетворитъ родипельскому сердоболію пѣхъ, коимъ угодно будетъ ввѣритъ намъ драгоцѣннѣйшіе свои залого, непрерывное наше о нихъ попеченіе; и да неупомимая наша дѣятельность въ извисканіи всѣхъ способовъ содѣлаться полезными, докажетъ, что мы не недостойно избраны къ сему просвѣщеннѣйшимъ изъ МОНАРХОВЪ, и можемъ нѣкогда заслужить признапельность потомства. —

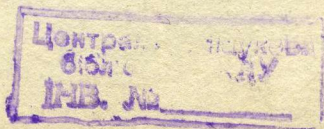
Г. С. Потоцкій.

О ИЗЯЩНЫХЪ НАУКАХЪ.

И пакъ! — исполняются священные ТВОИ желанія, САМОДЕРЖАВНѢЙШІЙ ПРОСВѢТИТЕЛЬ добродѣтельнаго, мужеспвеннаго, обожающаго ТЕБЯ народа. Среди величеспвенныхъ столицъ, и въ мирныхъ, уединенныхъ градахъ Россіи; среди древнихъ ея достояній и въ обширныхъ областяхъ, приобрѣпленныхъ храбростію нашихъ предковъ, почпеннѢйшіе соопечеспвенники, святилища наукъ, огражденные верховнымъ могущеспвомъ, вознесены благоволеніемъ, обогащены щедрою изящнѢйшаго изъ МОНАРХОВЪ, преходящъ однѢ опъ силу въ силу, другія опъ несущеспвованія въ бытіе, — къ чесппи нашего вѢка, ко благу опечеспва, къ безсмертной славѢ АВГУСТѢЙШАГО ВИНОВНИКА.

Отецъ опечеспва, великій ПЕТРЪ! какимъ восхищеніемъ исполнилось бы иройское ТВОЕ сердце, когда бы ТЫ узрѢлъ, до какой мѢры усовершенны преславныя ТВОИ начинанія просвѣпипъ Россію! И ТЫ, великаго сына вѢщеносный Родитель, АЛЕКСІЙ! какимъ радостнымъ былъ бы пораженъ удивленіемъ, еспли бы ТЫ былъ свидѣтелемъ сего поржеспвеннаго водворенія наукъ въ сихъ предѢлахъ, бывшихъ

В

Д391С41

едва населенными, когда ТЫ мужественною СВОЕЮ десницею присоединялъ ихъ къ нѣдру Опечества. Но почпо удаляться намъ въ пропекшіе вѣки? Есть, почпеннѣйшіе слушатели, еспъ можетъ быть между нами, копорые видѣли, по крайней мѣрѣ отъ ближайшихъ своихъ предковъ слышали, какимъ опуспшеніямъ и безпреспаннымъ спрахамъ была подвержена сія спрана. Но сія самая спрана, бывшая недавно жертвою и позорищемъ буйспва наглыхъ и жестпкихъ враговъ, огражденная нынѣ опвсюду миромъ и безопасностію, содѣловається цвѣтущимъ верпоградомъ наукъ. Въ сей самой спранѣ, гдѣ прежде не было другаго къ ознаменованію себя подвига, кромѣ безпрепетнаго защищенія Опечества, нынѣ возвышенный духъ Россіянина, покоющійся на своихъ лаврахъ, вдохновенный величіемъ собспвенныхъ мыслей, благонамѣреніемъ своихъ дѣяній, спраспію къ общеспвенному благу, и сладкимъ предчувспвіемъ благословеній, копорыя изліетъ на его память признапельное попомспво, содѣйспвуетъ по жертпвованіемъ своихъ избытковъ разпреспраненію просвѣщенія въ пихой своей опчизнѣ. Лѣпописи Россіи, или, лучше сказать, лѣпописи безчисленныхъ добродѣтелей, копорыми наши соопечеспвенники въ мирѣ и войнѣ опличили себя предъ лицомъ свѣта, возвѣспятъ грядущимъ вѣкамъ о семъ приспопамятномъ подвигѣ.

Какое обширное и прекрасное при семъ случаѣ открывається воображенію поле, представитъ во всей подробности, коль благотѣтельныя вліянія имѣютъ науки на умъ и сердце, на познаніе и нравствен-ность, на образъ исполненія естественныхъ и гражданскихъ обязанностей человека: но я беру смѣлость обратитъ на краткое время ваше вниманіе, почтеннѣйшіе слушатели, на тѣ токмо изъ нихъ, копорыя мы обыкновенно называемъ изящными.

Способности наши, находяся подъ руководствомъ одной природы, служатъ ближайшимъ правдѣ, но весьма часто недостаточнымъ пособіемъ въ нуждахъ нашего бытія и гражданской связи, не взирая однако на сіе большая половина человѣческаго рода оспается при томъ ихъ употребленіи, копорому наславляютъ токмо собственная опытность и примѣры другихъ. Къ щастію всегда были люди, копорые имѣя разумъ проницательнѣе, чувствованія возвышеннѣе, виды обширнѣе, дабы улучшить свое существованіе, старались образоватъ, украситъ, обогатитъ, возвыситъ свои дарованія; пакъ что всѣ мыслившіе народы занимались во всѣхъ вѣкахъ симъ достохвальнымъ подвигомъ, копорого предметомъ вся вселенная, а послѣдствіемъ величіе и достоинство человека. Такимъ образомъ умъ человѣческій изъ опытовъ и наблюденій извлекъ общіе законы природы, копорые обратнѣе служатъ нынѣ къ исполкова-

нію часпнихъ явленій. Наконецъ всѣ сіи замѣчанія и умозрѣнія были раздѣлены по роду ихъ занятій на разныя отдѣленія, то есть, на разныя науки.

Между тѣмъ — человѣкъ родился съ чувствительнымъ сердцемъ. Все, что проникаетъ въ его душу, дѣлаетъ въ ней пріятныя, или оторчипельныя впечатлѣнія. Но опытность особенно замѣпила такіе какъ чувственные, такъ и нравственные предметы, которые разипельными своими качествами или восхищають наше воображеніе, или приводятъ въ препенаніе наше сердце: и все, что сполько привлекаетъ; все, что исполняетъ насъ такими живыми чувствованіями, будучи, такъ сказать, извлечено изъ цѣлой природы, и приведено въ особое отдѣленіе, сопавляетъ предметъ и занятіе такъ называемыхъ изящныхъ наукъ.

Сіе открываетъ намъ истинные испочники, изъ коихъ онѣ почерпають все свое богатство, всю силу, красоту и совершенство. Въ необозримомъ и великолѣпнѣйшемъ храмѣ еспества, во всѣхъ изліаніяхъ человѣческаго ума и сердца, вездѣ хранятся драгоцѣнныя сокровища оныхъ. Будемъ покло любителейми наблюдателями всего, что вспрѣчается съ нами; тогда чрезвычайныя дѣйствія огромныхъ произведеній поразятъ умъ нашъ изумленіемъ; тогда спройное образованіе существъ, едва постижимыхъ чувствами, исполнитъ насъ благоговѣніемъ къ

Зиждипелю всяческихъ; тогда замѣченныя нами въ естественныхъ измѣненіяхъ законы, въ движеніяхъ силы, во звукахъ согласованіе, въ цвѣтахъ живопись, въ разнообразіи единства, въ единствѣ разнообразіе, воспламеняетъ наше воображеніе; и по приятии и нѣжными, по величественными и изумляющими впечатлѣніями попрясуетъ наше сердце. Разкроемъ книгу человѣческихъ дѣяній; въ богопознаніи народовъ, въ безчисленныхъ изображеніяхъ и открытіяхъ, въ духѣ законовъ, въ обрядахъ, зрѣлищахъ, въ общеспвенныхъ и частныхъ обыкновеніяхъ, торжествахъ, упражненіяхъ, приспастіяхъ, мнѣніяхъ, даже въ самыхъ языкахъ сколько и какія разительныя увидимъ черты нашего ума и нравственности!

Но занимаютъ покло возпорами сердце или воображеніе, есть такое единообразіе, которое наконецъ упомляетъ духъ, не удовлетворяя однако въ полной мѣрѣ его ожиданію. Дабы душа могла продолжительно быть дѣятельною; необходимо нужно, чтобы между тѣмъ, какъ упражнены будутъ тѣ дарованія, которыми она чувствуетъ, не оставались безъ занятія и тѣ способности, которыми она познаетъ. По мѣрѣ употребленія нашего познанія, бывающихъ проникающихъ и сильныхъ въ насъ чувствованія. Чѣмъ подробнѣе представляемъ себѣ то, что насъ поражаетъ; тѣмъ живѣе дѣлается нашъ возпоръ. Вотъ причина, почему всѣ со славою упраж-

жнявшієся въ изящныхъ наукахъ всегда осіявали свои творенія свѣтомъ пвердаго, основательнаго любомудрія, и возхищая избранными явленіями природы, въ поже время занимали извясненіемъ причинъ. Они находили невозможнымъ изобразитъ въ полномъ сіяніи красоту и изящество, не прибѣгнувъ къ общимъ законамъ совершенства вещей и нашихъ удовольствій; представили убѣдительно истинну, не показавъ досповѣрныхъ ея оснований; подѣйствовать всею силою надъ сердцемъ, не касаясь источниковъ чувствительности нашей; поразили воображеніе внѣшностію явленій, не открывъ завѣсы, за которою природа хотѣла сокрыти тайнства причинъ во внутреннемъ своемъ святилищѣ.

Но если прочія науки даютъ душу и мужественный видъ изящнымъ; то сіи обратню сообщаютъ онымъ красивую, привлекательную наружность. Польза, которую общаютъ намъ занятія ума, въ половину дѣйствуетъ надъ нами, или лучше сказать, всякое упражненіе вскорѣ начинаетъ насъ пятити, когда не находимъ въ немъ удовольствія. Оно соглашаетъ насъ вооружаться пропиву трудовъ неусыпностію, пропиву препятствій усиліями, пропиву долговременности перпбіемъ. На семъ естественномъ и всеобщемъ качествѣ нашей души имѣетъ свое основаніе извѣстное просвѣщенному свѣту Горацієво изреченіе, что верховный успѣхъ зависиетъ отъ соединенія приптнаго съ по-

лезнымъ. (а) Въ самомъ дѣлѣ сообщаемыя науками самыя опвлеченныя испинны, вышедъ изъ рукъ изящныхъ, получають нѣкоторую новую силу опѣ замысловапыхъ выражений, плѣнительныхъ описаний, пылкихъ чувспвованій, даже опѣ самыхъ вымысловъ. Творецъ Ганриады, проспирая рѣчь свою къ испиннѣ, такъ говоритъ: Ежели справедливо, что вымыслъ нѣкогда умѣлъ соединяетъ свой припный гласъ съ пвоими величеспвенными звуками; ежели его нѣжная рука украшала вознесенную пвою главу; ежели его пѣнь дѣлала блиспательнѣе лучи пвоого свѣта: то позволь ему сопупспвовать мнѣ по пвоимъ стопамъ, и служиетъ убранспвомъ, а не завѣсою пвоихъ прелеспей. (b)

И такъ между пѣмъ какъ прочія науки, упражняся въ излѣдованіи всего, что находипся во вселенной, пипають и обогащаютъ нашъ разумъ, изящныя, присвоая себѣ избраннѣйшія произведенія еспесппа и чловѣка, занимають и украшаютъ наше воображеніе: первыя нерѣдко производятъ въ насъ

(a) Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.

(b) S'il est vrai que la fable autre fois
Sut à tes fiers accens mêler sa douce voix,
Si sa main delicate orna ta tête altière,
Si son ombre embellit les traits de ta lumière,
Avec moi sur tes pas permets lui de marcher,
Pour orner tes attraits, et non pour les cacher.

величественныя нѣкоторыя чувствованія, и возвышаютъ наше о себѣ понятіе; другія упоеваютъ сердце приятными вліяніями, и услаждаютъ мысль, что мы существуемъ.

Впрочемъ сіи возпорги, которыми сопровождается упражненіе въ изящныхъ наукахъ, были бы очаровательныя токмо мечпанія, еспли бы они подобно лучу свѣта, не отражались въ нашей нравственности. Не вѣрояпно, чтобы потѣ, въ комъ воображеніе сильно поражается стройностію, соопвѣстствіемъ, правильностію природы, не чувствовалъ въ душѣ своей нѣкоего стремительнаго влеченія къ порядку, согласію, благоустройству человеческихъ обществъ; чтобы потѣ, въ комъ сердце или пренецетъ отъ возхищенія при видѣ ясныхъ, плѣнительныхъ качествъ добродѣтели, или содрогается отъ огорченія при мрачныхъ, ужасающихъ чертахъ порока; чтобы потѣ, говорю, въ сіи минуты возпора не далъ въ душѣ своей кляпвы бытъ другому добронравію и честности. Словомъ, употребленіе чувствительности, приспращеніе къ добру, крепость нравовъ, любовь ко правотѣ и благопovitельности: вотъ благотѣльные послѣдствія упражненія въ изящныхъ наукахъ. Но еспли кто при всемъ ихъ содѣйствіи оспается съ хладною душою и развратнымъ сердцемъ; потѣ конечно въ нихъ еще не успѣлъ.

Важное сіе обстоятельство составляет одну изъ главныхъ причинъ, почему всѣ образованные и благомыслящіе народы безъ всякаго предварительнаго согласія постановили, чѣмъ изящныя науки были первымъ подвигомъ юношей на поприщѣ просвѣщенія, какой бы впрочемъ родъ званія и служенія имъ ни предсстоялъ; но есть, дабы самыя начальныя занятія ума воспаляли уже въ нихъ пылкія чувствованія естественныхъ и гражданскихъ добродѣтелей. —

Съ другой стороны, коль неоцѣненны вліянія изящныхъ наукъ на первыя упражненія естественныхъ нашихъ способностей. Понятія младаго человека, который въ познаніи вещей его окружающихъ руководствуется одною природою, по большій часъ бываютъ малочисленны, слѣпны, не правильны, не достаточны: изящныя науки нечувствительно въ немъ ихъ умножаютъ, раздробляютъ, усовершенствуютъ. Онѣ дѣлаютъ его воображеніе быстрымъ, память дѣлательною, вниманіе замѣчательнымъ, разумъ ослеплымъ, сужденія основательными, умствованія дальновидными, извѣщенія легкими и приятными.

Изящнымъ наукамъ мы бываемъ обязаны правильнымъ, понемногу, привычнымъ вкусомъ въ упражненіяхъ ума, въ черпахъ нравственности, въ приятно-

спяхъ жизни, словомъ, во всемъ, гдѣ степень нѣжности и разборчивости нашихъ чувствованій показываетъ степень нашего образованія. Поелику вкусъ есть живѣйшее ощущение, а науки, о которыхъ идетъ рѣчь, суть, такъ сказать, общій словарь всего изящнаго.

Но скоро замѣчать, ясно представлять все, что въ произведеніяхъ естества и человѣка оплочно, составляетъ, такъ сказать, первую покомъ половину нашихъ успѣховъ въ изящныхъ наукахъ; составляетъ покомъ созерцательную ихъ часть. На противъ сего ихъ дѣятельность состоитъ въ искусствѣ собственныя чувствования во всей ихъ мѣрѣ произвести въ душѣ другаго. Долговременность, остроуміе и тщаніе изобрѣли разные къ сему способы. Кисть и рѣзецъ, звуки человѣка и орудія употреблены къ изображенію предметовъ нашего восхищенія и различные роды сего безсловаго краснорѣчія извѣстны всему свѣту подъ именемъ изящныхъ художествъ.

Но любимецъ всецѣдраго Творца, человѣкъ, между естественными своими способностями имѣетъ самый удобный, самый доставочный способъ, всѣявленія, какія бываютъ въ его душѣ, родитъ въ душѣ другаго. Сей способъ есть неоцѣненное дарованіе слова. Оно, Почтеннѣйшіе Слушатели, не покомъ составляетъ одну изъ первыхъ потребностей нашего общежитія; не покомъ дѣлаетъ современниками

тѣхъ, копорыхъ цѣлыя вѣки, согражданами тѣхъ, коихъ многотысячное разспояніе раздѣляютъ; но правилами, примѣрами и упражненіемъ будучи усовершено, служилъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ сообщитъ другаго воображенію тѣхъ возпорги, разуму по изумленіе, сердцу тѣхъ движенія, какими поражаютъ насъ совершенства и красоты природы.

Есть однако случаи, Почтеннѣйшее Собраніе, въ копорыхъ никакое випійство недоспапочно изобразитъ во всей силѣ внупреннихъ движеній. Таково наспоющее положеніе наше. Уже ли въ силахъ мы исполнитъ священную обязанность, предасть грядущимъ вѣкамъ тѣхъ сладчайшія упоенія души, по искреннее благоговѣніе, коими преисполнены въ сіи минуты сердца наши къ САМОДЕРЖАВНѢЙШЕМУ ВИНОВНИКУ сего торжества? Но что я говорю? Если умолкаетъ при семъ всякое краснорѣчіе; никогда не умолкнутъ толь облагодѣтворенныхъ подданныхъ чувства. Онѣ переліются изъ рода въ родъ, и АВГУСТѢЙШЕЕ имя АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО будетъ нѣчто Богоподобное, нѣчто священное для самаго позднаго потомства.

Иванъ Рижскій.

III.

Que l'on doit se préparer par l'étude des sciences au
maniment des Armes, et allier la Philosophie
à l'art des combats.

Honneur à la noble profession des Armes! Honneur
aux Mortels généreux qui ne balancent point à prodiguer
leur sang pour la défense de la patrie! Qui pourroit
douter de la gloire et de l'utilité des travaux militaires?
Qui pourroit douter de l'intérêt qu'ont les Empires à
combler de louanges et de faveurs les Citoyens qui se
dévouent généreusement pour le salut commun. Mais
si le courage du Guerrier n'est accompagné de l'instruc-
tion, s'il pouvoit devenir l'ennemi des sciences et des
arts, il dégénéreroit alors de ses nobles prérogatives;
ce ne seroit plus qu'une fureur aveugle et détestable,
qui ne convient qu'à des peuples féroces et barbares.
En effet, le véritable but de la guerre, celui qui seul
peut la justifier aux yeux de la raison, c'est de deffen-
dre la société, non de la detruire; c'est de protéger
les peuples, non de les réduire à l'esclavage: et telle
a toujours été l'opinion, non seulement des philosophes,
mais des grands Capitaines de tous les siècles, que
l'on doit se préparer par l'étude des sciences au
maniment des Armes, et allier la philosophie à
l'art des combats.

Nous ne sommes plus dans ces temps d'ignorance où toujours le vulgaire stupide, et quelques fois les Sages, plus éblouis de l'éclat des armes et des exploits militaires, que sensibles aux bienfaits de la science et de l'humanité, ne donnoient le titre de Héros, qu'à ces hommes qui, nés pour la ruine du genre humain, ne parcouroient la terre que pour la dévaster. Assez et trop long-temps le Macédonien vainqueur de l'Asie, le Carthaginois fumant du sang des Romains, un Tamerlan, un Gengis, bourreaux des paisibles Indiens, l'ont emporté par la renommée sur les Trajans et les Titus. Pour nous, dispensateurs plus équitables de la véritable gloire, nous ne l'accordons qu'aux guerriers qui n'emploient les armes que pour conquérir la paix, qu'aux vertus bienfaitrices de la société, qu'au Génie qui l'enrichit de ses découvertes précieuses; mais sur tout, nous la devons à ces Princes qui signalent leur puissance, non par des victoires souillées de sang, non par des monuments fastueux, mais par leur amour pour leurs sujets, par leurs bienfaits, par une magnificence utile. Aujourd'hui, le Législateur Philosophe l'emporte sur le Vainqueur des Nations. Aujourd'hui, le Souverain, Père du peuple et de la Patrie, ami de la paix et de l'humanité, est bien plus grand que le triomphateur orgueilleux qui traîne après son char les Rois qu'il a vaincus. De tant de bienfaits dont la Souveraine puissance peut combler ceux qui lui sont soumis, en est-il un plus grand, en

est-il un plus digne d'une reconnoissance immortelle, que d'allumer le flambeau des sciences dans toute l'étendue de sa domination, d'ouvrir à ses peuples les trésors du Savoir, d'enseigner aux humains à vouloir vivre heureux par l'amour de la science et de la vertu?

Pénétré de ces principes, Notre Auguste Empereur ALEXANDRE PREMIER, le Souverain et l'amour de toutes les Russies, qui dans un âge encore tendre, fait briller sur le Trône toutes les vertus des Antonins, a voulu que les sciences fleurissent enfin dans toute l'étendue de son Empire: persuadé que la paix sans les Arts, n'a point de douceurs véritables, et que la bravoure qui n'est pas guidée par l'instruction, ne sauroit être utile, si elle n'est pas dangereuse. Déjà par son Ordre IMPERIAL, l'illustre Académie des Sciences et des Arts de St. Petersbourg a pris une forme plus heureuse qui lui prépare de nouveaux succès. Déjà de nouvelles Universités s'élèvent et fleurissent dans les principales Villes de l'Empire, à Moscou, à Dorpat, à Vilna; d'autres vont bientôt naître ailleurs. Aujourd'hui la source des beaux Arts s'ouvre chez vous, heureux habitants de Charkoff; et le Souverain vous donne une Université dont il est facile de présager le sort. Que n'a-t-on pas droit d'en attendre? puisqu'elle est confiée aux soins d'un homme illustre qui réunit à l'éclat des dignités et d'un grand Nom, un amour distingué pour les sciences.

Heureux Empire! qui en moins d'un siècle peut s'enorgueillir de trois Règnes heureux et brillants, et de trois Souverains, dont les noms gravés par la reconnaissance dans le coeur des peuples, dureront plus longtemps que s'ils étoient imprimés sur le marbre et sur l'airain. L'Aurore de la Gloire et du bonheur éclaira la Russie sous le sceptre de PIERRE. Ce grand Homme, s'élevant au dessus de son siècle par les seules forces de son Génie, après avoir vaincu un conquérant jusqu'alors invincible, conçut le noble projet de former sa Nation aux beaux Arts, et le premier lui fit connoître les avantages et les douceurs de la civilisation. Il ne put, il est vrai, achever une si vaste entreprise; mais tel qu'un Astre favorable, il présageoit le règne brillant de la Grande CATHERINE, femme égale aux plus illustres Héros.

Nous jouissons aujourd'hui du troisième et du plus heureux de ces Règnes, de celui de ce Jeune Alexandre; émule du Roi de Macédoine dans l'amour des beaux arts, combien il l'emporte sur lui par les vertus!

O Nation Russe! Nation déjà célèbre entre les peuples les plus fameux, souviens toi qu'il est dans tes destinées des les surpasser tous un jour par la gloire, comme tu les surpasses déjà par la vaste étendue de ton Empire. Mais ne la cherches plus seulement dans les

combats cette gloire; elle te seroit trop facile, et tant de triomphes ne te l'ont elle pas assurée? Une autre renommée t'attend et plus douce et plus solide: celle qui naît de la culture des sciences. C'est par là qu'il te convient de vaincre tes rivaux: c'est par là que tu dois arriver à la véritable immortalité; que dis-je? il n'est aucune autre route qui conduise à une gloire plus certaine et plus durable.

En effet, si nous jettons un regard sur ces peuples qui se sont acquis un nom fameux dans les fastes de l'histoire, nous voyons que le plus foible de tous par l'étendue de son territoire et par le nombre de ses citoyens, a surpassé toutes les nations par la gloire et par la renommée. Les Athéniens possédoient à peine la dixième partie de la Grèce, et cependant leur mémoire brille encore du plus vif éclat. Quelle en est donc la cause? Ce n'est pas, sans doute, parceque leur courage leur procura pendant soixante ans la domination sur les autres Grecs? Ce n'est pas parcequ'ils ont vaincu les armées innombrables des Perses, à Marathon, à Salamine, à Platée, à Mycale. Mais ils ont créé les sciences et les arts; mais ils ont cultivé les Lettres et élevé les Monuments éternels du Génie; ils ont allumé le flambeau de la Philosophie; ils ont porté sa lumière chez tous les peuples, et leur ont enseigné, avec les arts qui embellissent la vie, les vertus qui lui donnent un véritable

prix. Aussi ont ils laissé un souvenir ineffaçable; et leur juste célébrité durera tant qu'il subsistera parmi les hommes quelques vestiges de l'honnête et du beau.

Que dirai-je des Romains, ces Vainqueurs de toutes les Nations? Croyez vous que leur gloire fut parvenue jusqu'à nous si pompeuse et si brillante, si elle n'eût pas été accompagnée des monuments de leur génie plus encore que de ceux de leur victoires.

Eh quoi! n'a-t-il pas existé d'autres nations aussi redoutables par la force des armes, et qui ont subjugué d'immenses contrées? Qu'est devenue leur gloire? quels monuments attestent aujourd'hui leur grandeur éclipsée? Sésostris, Sémiramis, Attila, Tamerlan, à peine vos noms ont ils percé l'obscurité des temps. Ou vos exploits sont ensevelis dans l'oubli, ou leur récit n'inspire que de l'horreur. Oui, la haine de la postérité poursuit sans cesse les destructeurs des nations: mais les vrais Pasteurs des peuples, qui les enchaînent, non par la force des armes, mais par celle des bienfaits, sont l'objet des louanges les plus pures, du plus tendre culte, et de l'amour de tous les siècles avenir.

Rendons, rendons d'immortelles actions de grâces à cet EMPEREUR bienfaisant, qui veut environner la bravoure des ses guerriers de tous les avantages de la science; qui préfère au titre de conquérant celui de Lé-

gislateur et pour ainsi dire d'Instituteur de ses peuples; qui par sa magnificence appelle à lui tous les arts, et fait venir dans ses états les Savans dont les travaux peuvent seconder les vœux de son coeur Paternel.

Habitans de Charkoff, comment pourrez vous témoigner votre reconnoissance envers un Souverain si généreux? Il n'en est, à mon avis, qu'un seul moyen; moyen digne de vous, et le plus agreable, sans doute, à notre Magnanime EMPEREUR: c'est de recevoir avec empressement les dons inestimables qu'il vous fait aujourd'hui, c'est de tendre une main favorable aux sciences qui viennent vous visiter pour la premiere fois.

C'est à vous sur tout, ô jeunes-Gens, tendre espoir de la Patrie, élèves chéris de cette Université, c'est à vous d'acquitter la dette que contractent vos pères, et qui vous devient personnelle. Songez que bientôt la Patrie vous redemandera le prix de son amour et de ses soins. Un jour vous contribuerez à sa gloire et à sa félicité par vos vertus et par vos talens. Faites donc tous vos efforts pour que cette tendre Mère nese repente point de ses bienfaits. Puisse t'elle en jouissant de vos différens triomphes s'applaudir un jour d'avoir produit de tels enfans.

J. N. Belin de Ballu.
